

Пути евразийской идеи. Обзор Первого Евразийского философского конгресса

Философское событие, состоявшееся 16 и 17 февраля 2024 г. в Москве, можно рассматривать и как возобновление важной традиции отечественной философской мысли, и как начало новой традиции ее самоопределения в современной интеллектуальной ситуации. Говоря о возобновлении, следует иметь в виду не только евразийство начала XX в., но и, более широко, всю традицию осмысления русской идеи – ее места в этом мире. Причем возводить эту традицию можно не только к Н.А. Бердяеву, В.С. Соловьеву и Ф.М. Достоевскому, чьи имена нередко звучали в выступлениях спикеров конгресса, но и глубже: к «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона, к концепциям «Москвы – Третьего Рима» и «Москвы – Нового Иерусалима» и, уж конечно, к спорам классических славянофилов и западников. Если же говорить о возможном начале некой новой традиции самоопределения русской философии в интеллектуальном пространстве современности, то в ее основу кладется углубление мировоззренческого диалога с незападными формами мысли.

Русская идея с самого начала своего формирования содержала в себе, помимо «всемирной отзывчивости», ярко воплощенной А.С. Пушкиным и глубоко раскрытой в «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского, еще и определенный «антизападный» настрой. Причем эта оппозиционность является как раз отстаиванием «всемирной отзывчивости». Ни понятие о единстве русской земли, ясно осознаваемое, несмотря на распри князей времен еще до монгольского нашествия («Слово о полку Игореве»), ни единое политическое пространство русского царства и, далее, Российской империи не предполагали духовной и культурной унификации полиэтничного населения России. Целенаправленная русификация коренных народов не проводилась никогда, а попытки православного миссионерства (кстати сказать, всегда с переводом Писания и богослужебных текстов на национальные языки), инициируемые главным образом политической властью, следует честно признать, не имели большого успеха. Возможно, успеха они не имели именно потому, что не воспринимались как нечто жизненно важное самим русским народом: никак не ранило русскую душу с ее «всемирной отзывчивостью» присутствие рядом иноверцев и инородцев с другим языком, другой верой и другой культурой. Да и на европейскую культуру русская «отзывчивость» в полной мере распространялась: «...нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений!»

Прошедший Первый евразийский конгресс в некотором роде открыл плотную череду философских конгрессов 2024–2025 гг., имеющих то или иное отношение к российскому философскому сообществу. 22–24 апреля 2024 г. в Калининграде состоялся Международный кантовский конгресс, посвященный 300-летию философа, а 29–31 мая 2025 г. снова в Калининграде пройдет IX Российский философский конгресс. Именно в этой связи обрел свою острую актуальность проект конвергенции интеллектуальных усилий философов, представляющих мировоззренческую парадигму, основанную на традиционных ценностях различных культур и на их взаимном уважении. Эта парадигма не ограничивается, конечно, евразийским континентом, однако идея Евразии не просто как физического материка, а как единства совершенно различных в своих основаниях культур (Европы и Азии) представляет собой яркий и глубокий символ. Ничто не мешает этой идее в своем развитии принять вид афро-евразийства, а также и латиноамерикано-афро-евразийства. Да и в странах Запада далеко

не все люди разделяют политические и идеологические тренды, направленные на разрушение традиционных основ человеческой жизни. Когда мы говорим о евразийской идее, речь идет не о культурном и мировоззренческом обособлении и не о проекте идеологической унификации, а, напротив, о поиске глубокого духовного единства различных культур, о мировоззрении, которое имеет собственную глубокую онтологическую и культурную укорененность.

Идея евразийского конгресса вызревала двадцать лет, она высказывалась на некоторых общественных и философских площадках еще в первые годы нового тысячелетия. И вот теперь мы имеем свершившееся событие, более того, возьмем на себя смелость повторить те слова, с которых начинается этот текст: «философское событие».

Программа Конгресса была очень насыщенной: за два дня было проведено пять панельных дискуссий, а также церемония вручения Евразийской философской премии. В кулуарах конгресса высказывалось сожаление, что формат панельных дискуссий не предполагает возможности обсуждения выступлений, но зато, благодаря такому ограничению, а также весьма жесткому регламенту участникам удалось выслушать в общей сложности тридцать четыре доклада. В работе конгресса приняли участие представители ведущих вузов и научных организаций России и двенадцати иностранных государств.

Открывающая конгресс первая панельная дискуссия была посвящена теме «Диалог или столкновение цивилизаций? Евразийский проект в современном мире». Здесь ставились именно те вопросы, о которых говорилось во вводной части этого обзора. Уже первый прозвучавший доклад «Евразийское многообразие русской философии» М.А. Маслина (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) демонстрирует, что путь к настоящему глубокому пониманию статуса евразийского философского проекта в современном мире лежит через видимые парадоксы. Главным тезисом прозвучавшего доклада является глубокое своеобразие русско-евразийского мировоззренческого канона, но при этом не существует никакой особой «русской философии», которая была бы несовместима с другими философскими традициями. И нельзя не согласиться с тезисом докладчика: если русская философия претендует на универсальность и в то же время констатируется ее существенное отличие от западноевропейской философской традиции, то это логически может означать только одно: западноевропейская традиция мысли универсальной не является. Именно этим путем идет классическая евразийская мысль начала XX в. В книге «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой прямо заявляет отказ от признания романо-германской культуры универсальной моделью человеческой культуры.

Противопоставление в докладе русско-евразийского мировоззренческого канона романо-германскому означает, таким образом, утверждение позиции философского универсализма в противовес философскому национализму. Западноевропейская философия на деле является продуктом развития только одной определенной и достаточно ограниченной этнической группы. При этом Россия, представляющая собой единство многих культурных матриц, мыслится евразийцами как модель целостного человечества. Именно русская философия, которую не раз упрекали в провинциализме, а то и в упомянутом философском национализме, способна, по мысли евразийцев, послужить обретению подлинного универсализма.

Как это ни парадоксально звучит, но путь к обретению этого подлинного универсализма лежит через освобождение от гипноза различных вариантов «общечеловеческого»: «общечеловеческого разума», «общечеловеческих ценностей», «общечеловеческой демократии», «общечеловеческой логики истории», «общечеловеческого прогресса» и т.п. Все эти «общечеловеческие» ориентиры на деле навязывают иерархическую сортировку реального культурно-мировоззренческого разнообразия человечества по принципу сходства с романо-германскими образцами. Действенной альтернативой псевдоуниверсализму Запада, как подчеркивает профессор М.А. Маслин, может быть только обращение к реальному богатству культурных традиций славян, арабов, турок, индусов, китайцев, японцев. Реальное разнообразие онтологически укорененных

мировоззренческих, интеллектуальных, духовных, культурных и общественно-политических традиций современного мира нуждается в осмыслении и развитии. Именно эту перспективу предлагает евразийский проект и именно ее продемонстрировал дальнейший ход конгресса.

В прозвучавшем следом выступлении китайской гостьи Го Лишунан (Университет Фудань, Китай) было отмечено, что неопределенность позиционирования российской цивилизации в мировой культуре традиционно представляет собой проблему, и неоевразийство позволяет ответить на этот вопрос на уровне геополитики, предлагая в качестве идейной основы концепцию сопротивления претензиям западной цивилизации на универсализм. Впрочем, как отметила докладчик, «выходя за пределы национальных границ, идеология неоевразийства может вызвать конфликты между странами и регионами». В этом можно видеть определенные опасения со стороны наших западных партнеров: а не предлагается ли под наименованием евразийства и неоевразийства некий новый вариант навязывания миру единой общеобязательной идеологии вместо реальной многополярности?

Очень содержательным и проблемным получилось выступление Дж.Д. Сакса (Колумбийский университет, США), находящегося в это время на научном форуме в Аддис-Абебе. В его докладе «Достижение мира в Евразии в XXI в. Роль этики, культуры, истории и экономики» был, прежде всего, поставлен честный и горький диагноз современной политической и культурной ситуации. Современный мир глубоко болен непониманием и, самое главное, нежеланием понимать и уважать интересы, ценности, логику и мотивы «Другого», хотя эскалация геополитической напряженности заходит все дальше. Большую часть вины за разрушение культурных коммуникаций Дж.Д. Сакс возлагает на США, которые приняли от Великобритании эстафету мирового доминирования и переняли от нее экспансионистский неокOLONиализм. Именно незаинтересованность США в сотрудничестве и их недальновидные попытки построить однополярный мир привели к разрушительным последствиям.

Сегодня «англосаксонское доминирование подошло к концу», – констатировал докладчик, и потому важно вести работу по выстраиванию взаимопонимания между странами и континентами, между различными культурами и мировоззренческими системами, например, сводить западноевропейских и американских философов с китайскими. У западных ученых до сих пор присутствует определенный страх перед этой культурой, а между тем конфуцианство явно имеет большой потенциал для решения насущных проблем современного мира. Усилиями самого Дж.Д. Сакса за последние два года было организовано два симпозиума, посвященных осмыслению соотношения европейской и китайской этических традиций, представленных именами Аристотеля и Конфуция. Первый такой симпозиум прошел в Афинах в июле 2023 г., а с 8 по 12 июля 2024 г. запланировано проведение второго «Симпозиума Аристотеля–Конфуция», на этот раз – в Китае, на родине Конфуция. И в наименование симпозиумов недаром вынесена формулировка: «Ethics for the 21st Century» («Этика [для] XXI в.»). По замыслу организаторов имеется в виду не столько этика, бытующая в XXI в., сколько этика, необходимая для XXI в., способная вывести нас из плена виртуальных и суррогатных идеологий к горизонтам подлинного человеческого бытия. Именно в этой связи важны имена Аристотеля и Конфуция, поставленные рядом. Они олицетворяют собой две различные интеллектуальные традиции, каждая из которых имеет свою глубокую социокультурную, – более того, онтологическую – укорененность, и эта онтологическая укорененность обеспечивает возможность не просто их сосуществования, а живого и плодотворного созвучия в диалоге. Завершая свое выступление, профессор Дж.Д. Сакс констатировал тот факт, который затем еще не раз становился предметом размышлений участников конгресса: *мы уже живем в многополярном мире.*

И.Н. Духан (БГУ, Беларусь) в своем докладе «Пролог современности: Лейбниц и проект мирового культурного многообразия», опираясь на эпистолярное наследие великого немецкого философа, раскрывает значение его философской деятельности как одного из существенных истоков европейского дискурса культурного многообразия.

Монадология Г.В. Лейбница, как известно, представляет собой один из редких примеров последовательного онтологического плюрализма в рамках европейской философской традиции в классический период ее развития. Эпистемологический плюрализм, плюралистические концепции в персонализме и экзистенциализме, плюрализм цивилизационного подхода, получившие большое развитие в XX в., разумеется, имели свою конкретно-историческую обусловленность, но их мировоззренческое вдохновение восходит именно к тому типу онтологии, который был дан Лейбницем. Внимание Лейбница к Китаю было обусловлено, возможно, его интересом к различным системам сжатия и кодирования информации. Китайская иероглифика давала для этого большой материал. Также философа занимал и тот аспект китайской темы, который мы сейчас назвали бы компаративистским. С его монадологией весьма органично сочетался образ всемирной культуры как некоего барочного произведения, в котором автохтонные части имеют равное значение в системе целого.

Мысль о необходимости возвращения к мировоззренческим культурно-методологическим истокам европейской культуры красной нитью проходила и через весь доклад *Б. Гриффит* (Институт политических исследований, Сербия) «Евразийский проект диалога и что осталось от диа-логоса на Западе?». Истоком европейской культуры является принцип диалога, открытость интеллектуального горизонта и смысловой коммуникации во имя полноты постижения истины. Тот проект осмысления мира, который реализуется уже более двух тысяч лет в европейской философской традиции, берет свое начало в сократовских беседах и в платоновских диалогах. Этот способ работы с мировоззрением предполагает совместное предстояние наставника и ученика умопостижаемому миру идей, совместное продвижение через диалог к все более полному его созерцанию. Причем этот процесс всегда сопровождается обретением все большей глубины философского умозрения и у самого наставника. Мировоззренческий, духовный, эвристический и нравственный потенциал такого «диалога в совместном предстоянии Истине» обеспечил европейской культуре ее всемирно-историческое значение. Однако, как отмечает Гриффит, в современном мире Запад утрачивает диалогичность в настоящем высоком значении этого слова. Следует добавить к этому: Запад утрачивает онтологическую вертикаль в своей культуре, вследствие чего «Диа-Логос», о котором говорит Гриффит, вырождается в беспочвенное и необязательное пустословие. Именно в этом коренится неолиберальный и постмодернистский отказ Европы от собственных традиций – тот отказ, который составляет шокирующий факт в контексте духовной ситуации современности. Если нет реального предстояния Истине, то всякое мнение ничем не лучше другого, а понятия нормы и извращения не имеют никакого смысла. Если мы сегодня говорим об идеологической экспансии Запада, то эта экспансия означает на деле продвижение идей «смерти Бога», «смерти автора» и «смерти человека», то есть серьезных рассуждений о том, что ничто в человеческом мире не является серьезным, что любая попытка считать хоть что-нибудь абсолютной ценностью должна быть заклеена как тоталитаризм.

Евразийский проект в современном мире, по мысли Богданы Гриффит, может и должен быть ориентирован на возобновление диалога как принципа построения культуры. А настоящий диалог возможен только при условии признания онтологической значимости ценностного строя жизни человека, объективности и единственности истины, и в то же время естественного права на самобытное освоение этого ценностного мира различными культурными традициями. Множественность вариантов культурного опыта и различных типов рациональности, ни один из которых не узурпирует себе право толкования истины, но каждый стремится к пониманию внутренней логики иных способов выстраивания культуры, является мировоззренческим основанием формирования и укрепления реальной многополярности современного мира.

А.М. Соколов (СПбГУ, Санкт-Петербург) в своем докладе «Проблема собственности в ценностном горизонте евразийской цивилизации» развил мысль о том, что сама необъятность российских пространств обуславливает примат соотнесенности с ближним, характерный для русской культуры. Суровый евразийский простор собрал себе

народ, достойный не присваивать и даже не осваивать, а именно преобразовать это пространство стихий необъятного края в совершенство российского Космоса.

Вторая дискуссионная панель конгресса «Философская футурология; мышление и вызовы будущего: человек и новые технологии», была посвящена осмыслению будущего, а также тех возможных его вариантов, выбор которых совершается нами сегодня. В ходе выступлений демонстрировалась особая логика постановки философских проблем: докладчики, как правило, шли от прикладных вопросов к поиску философски обоснованного ответа на мировоззренческие вызовы современности. Речь шла прежде всего о вызовах, порождаемых внедрением в повседневную жизнь новых технологий – биотехнологий, технологий работы с информацией, технологий манипулирования массовым сознанием. Эти технологии радикально меняют не только внешнее обустройство жизни современного человека, но и внутренний ценностный строй этой жизни, – отмечает в своем выступлении *А.В. Журавский* (Управление Президента России по общественным проектам, Москва). Традиционные фундаментальные вопросы человеческого бытия начинают звучать с новой остротой и в новых ракурсах. Причем конкретные преломления этого тезиса, представленные в следующих докладах, порождают гораздо больше вопросов, чем ответов.

М.В. Воронцова (МГУ им. М.В. Ломоносова, НМИЦ Эндокринологии Минздрава России, Москва) обратилась к этическим проблемам, которые приобретают новое звучание и глубину в свете применения современных технологий генетических исследований. Речь, по существу, идет о том, что традиционная ценностная основа евразийской цивилизации подвергается серьезным испытаниям на прочность в современном мире, мощное развитие которого стало возможным во многом благодаря именно этим традиционным ценностям. Светлое будущее евразийской идеи возможно только в том случае, если она сможет дать ответ на мировоззренческие вызовы с опорой на собственный мировоззренческий потенциал. Объем и характер информации, которую дают современные генетические исследования, порождает глубокие коллизии с принципом информированного добровольного согласия пациента на медицинские услуги, с принципом «Не навреди!», с принципом врачебной тайны, да и вообще – с базовыми правами человека на жизнь и свободу. Имеет ли право пациент *не* знать о том, о чем он знать не хочет? И как в таком случае совместить очевидное право пациента на незнание с его же правом на информированное согласие и с обязанностью врача предоставлять полную информацию? При этом информация о генных мутациях, о рисках проявления наследственных патологий может касаться не только обследованного человека, но и его семьи, – актуальной или потенциальной. Имеют ли право в этом случае другие люди, интересы которых затрагиваются, знать о генетических особенностях человека, которые составляют предмет врачебной тайны? Если обследованный человек просит врача скрыть от супруга часть полученной информации, – что делать в этом случае врачу? А сколько подобных вопросов ставит неонатальный и пренатальный генетический скрининг! Мы не знаем, как правильно распорядиться информацией, которую современные технологии генетических исследований способны дать в наше распоряжение, – начиная с вопроса: надо ли вообще эту информацию получать?

Другой тренд развития современных технологий, по сути, технологий будущего, вошедших в наше настоящее и уже радикально меняющих его, – это технологии искусственного интеллекта, а также проект Илона Маска по нейрочипизации. Теме AI был посвящен доклад *О.А. Усковой* (группа компаний Cognitive Technologies и Cognitive Pilot, Москва). Возглавляемые ею компании разрабатывают технологии искусственного интеллекта, внедряя их в системы активной безопасности рельсового транспорта, радары для беспилотного транспорта и системы управления беспилотной сельхозтехникой. Получение Илоном Маском официальной лицензии от государства на вживление чипа в мозг человека открывает в перспективе дорогу к созданию «виртуального “храма” трансгуманизма». Технологии искусственного интеллекта уже сейчас могут использоваться для тотальной слежки за людьми в качестве инструмента влияния на массовое сознание.

Однако новые технологии генетических исследований вкупе с технологиями искусственного интеллекта не только несут неизвестные ранее риски, но и открывают новые перспективы понимания логики и динамики мировой истории. Развитие истории как науки неразрывно связано с последовательной разработкой гуманитарной методологии: от научной критики исторических источников и научной археологии до школы Анналов, исторической лингвистики, структуралистской фольклористики, этнометодологий и культурологической герменевтики. В рамках постнеклассической науки естествознание уже испытало серьезное влияние этих гуманитарных методологий, но на сегодняшний день можно видеть, что оно способно фундировать социально-гуманитарные и, в частности, исторические исследования. Обсуждению этой тематики был посвящен доклад одного из главных организаторов конгресса *О.А. Матвейчева* (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва) «Как генетика помогает будущей философии?».

Проект возвращения к истокам, заявленный в свое время М. Хайдеггером, означает у него в рамках европоцентрического подхода, что Первоистоком всей культуры является античность – досократики, классическая философия Греции, далее Рим, Европа и... весь мир. Однако современные научные исследования в самых разных областях все более ясно показывают, что эпицентр того мощного исторического движения, которое К. Ясперс обозначает как «осевое время», располагался где-то в сердцевине евразийского континента, в районе Южного Урала, Алтая или Поволжья. Об этом говорит и археология, и лингвистика, и – что представляется в данном случае особо важным – генетика.

Археологические находки указывают на географическую середину Евразии как на исток всего индоевропейского культурного универсума; лингвистика не может точно указать географическую прародину индоевропейских языков, но генетика обладает естественнонаучной и математической доказательностью: факты, устанавливаемые ею, не зависят от ценностных установок исследователя и неподатливы для вольных интерпретаций. То, что древние египтяне не были коренными африканцами, историки так или иначе знали давно, а вот то, что генетическая гаплогруппа R1b, носителями которой являлись египетские фараоны Эхнатон и Тутанхамон, ведет свое происхождение из южной Сибири, – это факт, установленный современной генетикой. То, что санскрит имеет существенные параллели с русским языком, – тоже более или менее известно (при том, что он имеет параллели со всеми индоевропейскими языками); факт того, что гаплогруппа R1a, свойственная высшим индийским варнам – брахманам и кшатриям, происходит из той же южной Сибири, является более прочным основанием для разговора о первоисточке индоевропейской семьи народов и языков.

Таким образом, по мнению докладчика, допустимо говорить не о евразийстве или неоевразийстве, а об архи- или протоевразийстве. Эта единая основа по-разному реализовалась в Китае, в Индии, в Иране, в Греции, в Италии, в Северной Европе, в славянском мире. Исследуя то, что нас всех объединяет, – на уровне языка, фольклора, ценностного строя жизни, микропрактик повседневности – мы можем приблизиться к той первичной открытости бытия, в которой реализуется подлинное историческое призвание.

Также на второй дискуссионной панели обсуждались вопросы о возможном антропотипе будущего человека (*С.Б. Переслегин*, Центр управления знаниями МНИИПУ, Москва), о принципиальном отличии морального (когнитивного) совершенствования и попыток биотехнологического улучшения человеческой природы (*О.В. Попова*, Институт философии РАН, Москва). О значимости «чистого и вечного художественного искусства» с опорой на мысли В. Кандинского говорил в своем докладе «Эсхатология культуры» *Ф. Серс* (Бернардинский колледж в Париже, Франция).

Третья панельная дискуссия была посвящена теме «Разнообразие рациональностей. Восток и глобальный Юг на философской карте мира». *С. Мумра* (Гейдельбергский университет, Германия) с позиции человека, принадлежащего к индийской

культуре и ведущего научно-преподавательскую деятельность в Европе, отметил важность преодоления мировоззренческой и культурной пропасти между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Эффективное сочетание онтологического реализма с эпистемологическим конструктивизмом является, по его мнению, необходимым условием законного порядка в разнообразных обществах с множеством конфессий и региональной идентичностью. Предлагает ли «евразийская философия» целостный набор убеждений и лежит ли она в основе российского общества, остается, по мнению выступающего, открытым вопросом.

Р. Форнет-Бетанкур (Международная школа межкультурной философии, Германия) констатировал необходимость разработки понятия о философском разуме, воплощенном в человеческой жизни и сосуществовании, в истории и культуре народа, – в противовес абстрактной концепции философского разума у Гегеля. Этот «полифонический разум» должен быть «общим делом» человечества, реализуясь через прислушивание к инаковости Другого в диалоге культур.

Мысль о неединственности того разума, который берет начало в греческом мышлении и который мощно развит в европейской традиции, была продолжена докладом *А.В. Смирнова* (Институт философии РАН, Москва) «Разум, язык, культура: как сегодня прочитывать концепцию “арабского разума” аль-Джабири». Если предыдущий докладчик обращает внимание прежде всего на то, что «философия» вовсе не является полем безраздельного владычества чистой логики, что она осуществляется благодаря всей совокупности символических проявлений человека, то А.В. Смирнов презентует концепцию «совсем иной логики», иных категориальных измерений, реально существующих в «арабском чистом разуме». Четырехтомник «Критика арабского разума» Мухаммада Абида ал-Джабири (1935–2010) своим названием отсылает к Канту и является противопоставлением кантовской критике.

В отличие от «субстанциального» принципа строения аристотелевской и, далее, кантовской категориальной системы все слова языка и категории мышления арабского разума являются некими «ветвями», растущими из «корней», которые представлены именами действий. Модель «корень–ветви» теоретически отточена в трудах арабских лингвистов и юристов, она позволяет легитимировать противоречивое разнообразие культурных практик (в том числе юридических) через возведение их к одному корню. Это явно контрастирует с фундаментальным для европейской рациональности законом непротиворечия. Классическая европейская логика из факта противоречия «ветвей» (результатов логических выводов) сделала бы заключение о ложности «корня» (тезиса, положенного в основу производимых выводов). Логика арабского разума не видит в этом беды: живой корень может порождать и несогласные друг с другом ветви. Принцип возведения к единому корню вместо подведения под единую рамку общих понятий представляет собой, действительно, альтернативный тип рациональности, что обращает нас к теме осмысления множественности типов рациональности, развернутых в истории человечества.

В докладе *М. Граньеррона* (Католический университет Вандеи, Франция) ставится вопрос: насколько могут быть адекватны инструментарий и методы западной политологической традиции для исследования неевропейской социальной и политической реальности, а также для непредвзятого сравнения различных политических систем. И классическая социология, и классическая политология вырастают из позитивизма, который рассматривает конкретные национальные культуры и их историю как подстановку набора изменчивых исторических данных в единую цивилизационную формулу. Следствием такого подхода не может не являться европоцентризм. Мы стоим перед необходимостью выработки альтернативного метода исследования, который был бы направлен на то, чтобы избежать культурных предубеждений при проведении сравнительных исследований.

О разных типах рациональности, сосуществующих в современном мире, говорил также *С. Молор-Эрдэнэ* (Философская академия Молор-Эрдэнэ в Улан-Баторе, Монголия). *А.С. Пушпакумара* (Университет Перадения, Шри-Ланка) обратился к анализу

взглядов Гегеля на историческую сущность Азии. С одной стороны, гегелевская философия отражает дух XIX в., в том числе с его колониализмом и европоцентризмом, а с другой, Гегель признавал и значение неевропейских культур, их вклад в развитие человеческой цивилизации. Более того, сама система гегелевской диалектики не оставляет места статичным и неизменным категориям – гегелевская философия в своем развитии открывает путь к выходу за рамки европоцентристского нарратива.

Открывая работу четвертой панели дискуссий ««Русская идея» и современность (к 150-летию Н.А. Бердяева)», *В.В. Сербиненко* (РГГУ, Москва) отметил, что понятие «русская идея» в истории имело разные оттенки. Во-первых, может иметься в виду некое выражение русского духа, исторического и цивилизационного своеобразия России. Во-вторых, под «русской идеей» часто имеют в виду историческое призвание и миссию России. В этой связи большой интерес представляет полемика Н.А. Бердяева и евразийцев на страницах журнала «Путь» в 1925–1926 гг. Обращает на себя внимание то, что Бердяев предоставил трибуну организованного им журнала идейным оппонентам; также примечателен и характер этой дискуссии, которая протекала в режиме философского диалога, не скатываясь в бессмысленный обмен идеологическими инвективами.

Цзу Чуньмин (Институт философии Китайской академии общественных наук, Китай) в своем докладе «Русская идея в Китае» отметила пробуждающийся интерес китайских мыслителей к теме русской идеи, как ее раскрывали Н.А. Бердяев и другие мыслители Серебряного века. В Китае достаточно серьезно обсуждается значение русской религиозно-философской мысли для понимания русского национального духа и выбора Россией исторического пути, а также и для выбора исторического пути Китая. Интересным нюансом является то, что в китайском переводе книги «Русская идея» Н.А. Бердяева второе китайское слово в названии означает, скорее, «мысль», «мышление», «образ мыслей», «идеология». Таким образом, для китайского читателя русская идея невольно отождествляется с русской философией вообще. С одной стороны, это, конечно, явная неточность, но с другой, возможно, в таком отождествлении заключен глубокий смысл.

В докладе *В.В. Ванчугова* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) представлен спектр возможных вариантов употребления концепта «русская идея», статус и функционал которого варьируется от философемы до идеологемы, включая и такие его модификации, как теологума, мифологема, психологема, гносеологема. Докладчик предлагает понимать эти «полосы спектра» как проявление состояний сознания авторов, как отражение индивидуальных и коллективных когнитивных процессов, герменевтических техник и социальных проектов. Такой подход позволяет произвести не только рубрикации русских интеллектуальных типов, но и их активизацию через выявление перспектив интеллектуальной деятельности.

В рамках этой панельной дискуссии выступил *А.Г. Дугин* (Высшая политическая школа им. Ивана Ильина, РГГУ, Москва); он говорил об истории и идейном содержании евразийства, в том числе и о двадцатилетней давности проектов проведения евразийского конгресса, которые нашли, наконец, свое воплощение. По мысли А.Г. Дугина, евразийская идея по своему существу полностью совпадает с «русской идеей» как таковой, представляя собой главное самобытное содержание русской философской традиции. Между славянофильством А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, почвенничеством К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова и Ф.М. Достоевского, евразийством П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого и даже размышлениями о России В.С. Соловьева (который, как мы знаем, достаточно негативно относился к славянофилам и идеям которого евразийцы отнюдь не симпатизировали) и Н.А. Бердяева (который, как мы помним, резко полемизировал с евразийцами) коренной и принципиальной разницы нет. Все эти русские интеллектуальные движения могут и должны быть синтезированы в современной духовной ситуации в евразийскую идею, в философию евразийства, несущую в себе нравственно-мировоззренческий заряд русской идеи и открытую к иным глубоким мировоззренческим традициям.

А.А. Львов (СПбГУ, Санкт-Петербург) констатирует ощущение некоей незавершенности в любом исторически данном варианте разработки русской идеи и высказывает предположение, что такую незавершенность можно и должно рассматривать не столько как недостаток конкретных концепций, сколько как характерную особенность того самого русского менталитета, который эти концепции пытаются выразить. В этой связи предлагается обратиться к феномену А.С. Пушкина, «всемирная отзывчивость» которого, отмеченная Ф.М. Достоевским, отражает пристальное внимание русского универсума к иным культурам и стремление к претворению в жизнь больших проектов и артикуляции предельных смыслов, – именно это позволяет говорить о русской идее как об открытом проекте.

А.А. Новиков-Ланской (РАНХиГС при Президенте России, Москва) отметил, что фундаментальная двойственность и антиномичность базовых понятий, являющаяся лейтмотивом размышлений Бердяева о России, раскрывает их амбивалентный характер. Б.В. Межуев (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) анализировал различные варианты применения шпенглеровской концепции псевдоморфозы к осмыслению феномена русской идеи Н.А. Бердяевым и В.Л. Цымбурским. Для Бердяева было важно подчеркнуть эсхатологический характер русской культуры, для Цымбурского же в контексте его политологических взглядов в центре внимания лежит тема «островного» паттерна отечественной геополитики, который должен быть дополнен некоей автохтонной культурной установкой. О.А. Жукова (НИУ ВШЭ, Москва) поднимает проблему перевода религиозных идей и ценностей, значимых для философии Н.А. Бердяева, на язык современной культуры. Актуальное эпистемологическое противостояние модерна и постмодерна, подчеркнула она, заставляет реактуализировать и бердяевский дискурс о «русской идее» в качестве историсофского и метафизического проекта. Бердяевская вера в замысел Творца о России является эсхатологическим преодолением критически им осмысленной моральной болезни русского народа и русских интеллектуалов, ответственных за формулировку русской идеи.

Пятая дискуссионная панель конгресса была вновь ориентирована на осмысление исторических перспектив современной цивилизации, но, в отличие от второй, носила более тревожное название: «Кто выживет после постмодерна? Традиционные ценности vs нелиберальная этика». Разница философских позиций докладчиков была при этом весьма ощутима. С одной стороны, звучала существенная критика в адрес самой идеи традиционных ценностей (И.И. Докучаев, СПбГУ, Санкт-Петербург). Эти упреки касались «аксиологического абстракционизма», «отрыва ценностей от культуры и формализма их содержания», «аксиологического идолопоклонства», то есть «забвения других сторон культуры и, прежде всего, научно-технического прогресса», и «аксиологического антиисторизма» – «отрицания развития и сменяемости тезаурусов». С другой стороны, заявлялись и предельно традиционалистские подходы к решению экзистенциальных проблем человека в современном мире (А.Б. Бали, Университет Мазандарана, Иран). В своем докладе «Путь к освобождению человека от тьмы современного мира – выделяя философские основы Сухраварди» иранский коллега обращается к метафизике и мистике света, разработанной в XII в. персидским мыслителем, которого называют «Платоном арабского мира». Источником всех печалей и несчастий является забвение истинного себя и погружение в духовную тьму. В познании истины первично именно интуитивное постижение духовного света, за которым следует и рациональное осмысление этого опыта. Такой путь, разумеется, имеет в основе религиозное измерение человеческого бытия, однако речь ни в коем случае не идет о простом пересказе догматики, речь – именно о религиозной философии в настоящем смысле этого слова.

А.К. Секацкий (СПбГУ, Санкт-Петербург) отмечает в идейном развитии Запада все большее культивирование болезненного «комплекса вины», который активно навязывается современному цивилизованному человеку: «Ты виноват уже тем, что ты здоров, образован, что детство твое прошло не в трущобах, а если при этом ты еще гетеросексуал и белый, то вина твоя просто неоплатна!». Этот «комплекс вины» фактически

подрывает право на существование от первого лица и репрессивует любого, кто не собирается заранее оправдываться и раскаиваться в своих действиях. Манипуляция общественным мнением достигает при этом беспрецедентного уровня, и мы видим сегодня не просто торжество меньшинств, но и настоящий триумф всех нереализованных и несостоявшихся.

Х. Ритц (Лаборатория европейской демократии, Германия) презентовал свою книгу «Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать», написанную в соавторстве с Ульрике Геро. Прежде всего, докладчик предостерегает от отождествления «Европы» и «Запада». Европейская культура, конечно, лежит в основании Запада как геополитической реальности, однако использование этой культуры в геополитических целях фатальным образом сказалось на самой Европе. Единая Европа задумывалась как единое экономическое и социально-политическое пространство, как полноценный субъект мировой политики и как оплот мирного культурного развития на континенте. Сегодня Европа все больше разобщается внутри себя и теряет геополитическую субъектность. Вина за это лежит и на политических элитах самой Европы, и на США, которые смогли превратить эти элиты в своих вассалов, а Европейский Союз – в мало что значащую вывеску, прикрывающую их собственную гегемонию.

А.В. Павлов (НИУ ВШЭ, Институт философии РАН, Москва) в своем докладе «Постпостмодернизм и традиционные ценности» обращается именно к осмыслению ситуации «после постмодерна», заявленной в названии дискуссионной панели. Для концептуализации нынешнего интеллектуального и мировоззренческого состояния предложено много терминов: альтермодернизм, неомодернизм, гипермодернизм, метамодернизм. Что бы ни понималось под этими разными ярлыками, чаще всего различные авторы предполагают, что в «структуру чувства» современной культуры вернулись серьезность, искренность, многомерность и, может быть, даже наивность. В этом отношении дискурс традиционных ценностей может представлять альтернативу постмодернизму, более того, традиционные ценности уже выступают как философский концепт, обосновывающий один из вариантов постпостмодернизма.

Ответ на вопрос «Как выжить после постмодерна?», дал *В. Васичек* (Ассоциация культурных мероприятий и международного диалога «Consideratio», Австрия). Чтобы обновить человека, родину и общество в XXI в., нужно начать почти с нуля. Речь должна идти о человеке «еще не оптимизированном», который спокойно усваивает опыт бытия в мире, данном нам Богом, но, конечно, не являющемся Царством Небесным. Речь должна идти о человеке, который уважает более медленный ритм жизни, чтобы погрузиться в созерцание мира и развить интуицию. Человек, родина и общество возобновятся, когда мы откажемся от фаустовского намерения завоевать все и сотворить рай на земле, когда мы будем заботиться о нашей интуиции и богатстве нашей души. Уже Райнер Мария Рильке видел в России такую цивилизацию, в основе которой лежит осязаемое присутствие иного мира, Царства Небесного, мира вечного, духовного, мудрого, поэтического и художественного. Путь к этому миру, путь к духовному обновлению человека, родины и общества – это и есть путь выживания после постмодерна.

Первый Евразийский философский конгресс завершился церемонией вручения Евразийской философской премии в десяти номинациях. Помимо профессиональных философов и переводчиков философской литературы премию «За философию в искусстве» получил композитор *В.И. Мартынов* за проникнутую философским настроением композиторскую деятельность и оригинальные исследования на стыке музыковедения и философии, осмысляющие место музыки в духовной истории и культуре человечества.

А.Л. Анисин, О.А. Матвейчев

Анисин Андрей Леонидович – Академия управления МВД России, Москва, 125993, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Доктор философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления.

anisin@bk.ru

Матвейчев Олег Анатольевич – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, 125167, пр-т Ленинградский, д. 49/2.

Кандидат философских наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, профессор.

matveyol@yandex.ru

Anisin Andrey L. – Academy of Management of the MIA of Russia, 8, Zoi I Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., Moscow, 125171, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Government.

anisin@bk.ru

Matveychev Oleg A. – Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky av., Moscow, 125167, Russian Federation.

CSc in Philosophy, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

matveyol@yandex.ru

DOI: 10.21146/0042-8744-2024-7-201-211